

Гранд Джордж ДРУГОЙ МИР СТЕПНАЯ УГРОЗА

Предисловие

Просыпаться мне не хотелось. Но настойчивые звуки пробивались сквозь пелену сна, мешая погрузиться в него навсегда. Когда проснулось моё сознание, глаза мои оставались закрытыми. Кто я? Где я?

Последнее из того, что я помнил, были звёзды. Я стремился к ним, летел в бесконечность космоса, точнее даже не я, а моё сознание. А где было тело, спросите вы? Мне и самому хотелось бы это знать, ведь сейчас я снова ощущал себя внутри него. Это ощущение мне не понравилось, поэтому я переключился на предрассветное время, в тот момент, который ещё оставался в моей памяти, когда моё сознание готовилось покинуть брэнное израненное стрелами тело.

Первое воспоминание об этом, столь же яркое как солнце, но столь же далёкое, словно небо от земли, прорезалось красочной картинкой: был бой, после перестрелки, когда враг подобрался к нашей позиции, а у меня разрядился арбалет, я взялся за саблю и щит, чтобы встретить атаку кочевников. А затем меня подстрелил Зверь — командир вражеского конного отряда. Я пытался добраться до него, но не смог бы этого сделать, если бы не Святослав. Скромный и молодой парень в тот момент в очередной раз был моим трусливым

напарником. Он постоянно прятался за своим ростовым щитом, боялся высунуться и умереть. Поэтому Святослав только и делал, что заряжал для меня арбалеты.

Когда я добрался до злодея, то сам был почти мёртв. Мой враг, Зверь, я это точно помнил, оказался мёртвым — с собственным ножом в глазнице. А я, теряя сознание, проливая кровь из всех своих ран, должен был вскоре составить ему компанию. Однако, что-то пошло не так, сознание, которое уже удалялось от моего тела, по какой-то причине вернулось обратно.

Я знал только одну причину, которая могла бы воспротивиться моему упокоению, и эта причина — Василий, мой земляк, мой товарищ по несчастью, попавший вместе со мной в Другой мир! Я попытался зацепиться за это воспоминание. Что я помнил о нём? Он был молодым аспирантом, учёным, который помогал профессору создавать телепортер. Именно Василия я вытащил с того света. Этого товарища я спасал дважды, и он, видимо, решил вернуть мне долг. Только этот блестящий ум из того, родного, современного мира, что остался в нашей прошлой жизни, мог запустить процесс выздоровления моего израненного тела, недоступный аборигенам этого отсталого мира. В этом средневековом мире, который мы называли Другим миром, ещё не было умелых хирургов, не

было тут и сильнодействующих лекарств, переливания крови и прочих достижений науки и медицины. Мы попытались адаптироваться к новому миру, привнеся в него немного своих знаний и частичку гуманизма. И Другой мир принял нас, как родных, с почётом, одаривая нас удачей и богатством. Но удача это женщина ветреная, её настроение переменчиво и непостоянно. Когда она повернулась ко мне своей прекрасной пятой точкой, я оказался на грани жизни и смерти.

Я готов был ко всему, в том числе к окончанию своего жизненного пути, но в моём сознании всё ещё были люди, ради которых стоило побороться за свою жизнь.

Звуками, которые разбудили меня, оказался женский плач где-то рядом. Пахло лекарствами и травами. Сил открыть глаза у меня не было, я чувствовал сильную усталость, и даже не заметил, как снова провалился в сон.

Глава 1

Во второй раз я проснулся от того, что рядом со мной разговаривали, причём разговаривали на повышенных тонах. Мужской голос, басовитый, настойчивый, уверенный в своей правоте чего-то требовал. Женский голос, измученный, слабый и

неуверенный вяло сопротивлялся.

— Ну, что ты тут делаешь? — Этот мужской голос показался мне знакомым. — Посмотри, от него остались кожа да кости!

— Он живой! — Женский голос всхлипывал, кажется, этот голос и сам не верил в то, что говорил. — Он дышит!

— Что с того, дочка!? Если он не станет кушать, то вскоре умрёт, как умирает от голода старый одинокий волк, который потерял все свои зубы! Да только как твой Игорь будет кушать, если всё время спит!? — Мужской голос сменил тон, сейчас в нём появилась забота и беспокойство, но явно не обо мне. — А ты ещё молодая, тебе надо подумать о том, как жить дальше! Посмотри на себя, ты вся похудела! Лица на тебе нет!

— Мастер Василий сказал, что пока он дышит, нужно верить! — Возразила женщина, продолжая всхлипывать.

— Больно много понимает твой мастер! — Возразил мужчина, а последнее слово так вообще произнёс жутко кривляясь. — Я бы тоже хотел, чтобы твой Игорь поправился, но я в жизни многое повидал, доча! Не живут такие ранетые, сколько не лежи — умирают! Пойдём во двор, на солнышко выйдем! Тебе бы свежим воздухом подышать, а?!?

— Я никуда отсюда не уйду! — Заупрямилась женщина и заплакала, а я опять провалился в сон.

Проснулся я оттого, что кто-то совершенно бесцеремонно вливал в меня какую-то сладковатую жидкость. Первое, что мне вспомнилось в этот момент, были слова того нагловатого мужика о том, что если я не стану есть, то вскоре умру. Я стал жадно глотать, ручеек с жидкостью увеличился. Мне надо есть, чтобы поправиться, думал я, но, к сожалению, быстро устал даже от таких простых действий и закашлялся.

— Марфа! Марфа! — Заорали у меня над ухом сразу два женских голоса, один из которых показался знакомым, но я опять провалился в сон. Мне снилась битва с вражескими стрелками. Раз за разом, волна за волной они, облачённые в кожаные лёгкие доспехи и такие же наручи, накатывались на меня и какого-то парнишку, который перезаряжал наши арбалеты. Потом меня ранили, подстрелили хищной стрелой. Я беззвучно кричал и плакал от боли, потому что мой рот не мог открыться, он меня не слушался, как не слушались меня мои ноги и руки. А потом я проснулся.

Я точно помнил, что вижу этот не блещущий разнообразием сон с пугающей частотой. Сейчас, в отличие от всех прошлых случаев, я осознал, что самым ужасным в этом повторяющемся сне было то, что врагов, специфической наружности с раскосыми глазами, никогда не становилось

меньше, а болты к арбалету всегда заканчивались в самый неподходящий момент. Потом меня, как обычно, убивали, причём без шансов с моей стороны, потому что убивали меня стрелами, почти в упор.

Очередное моё пробуждение состоялось глубокой ночью. Не могу с уверенностью утверждать, что это произошло в тот же день. Вокруг было очень тихо, темно и тепло. Я проснулся сам, не понимаю, отчего это случилось. Захотелось открыть глаза, и я попытался их разлепить. Не сразу, но мне это удалось. В темноте я не смог ничего разглядеть, только женскую голову на своей кровати. Красивое измученное лицо спящей девушки было повёрнуто в мою сторону, оно пробудило во мне воспоминания о чувствах, которые я к ней испытывал. Похоже, она уснула у моей кровати, словно мой ангел хранитель. Я, попытался позвать её, но вместо этого ощутил противный вкус во рту, а затем снова провалился в мир грёз. Но на этот раз мне снились глаза и губы моего ангела. Нежные поцелуи, жаркие объятия, наши тела переплетаются, а потом мы счастливые уходим в ночь.

Следующее моё пробуждение произошло днём. Я услышал уже знакомые голоса и проснулся. Полностью открыть глаза было сложно, они слиплись, покрылись засохшей коркой. Когда я их

разлепил, то увидел ту часть комнаты, где у выхода стоял Васька!

— ... как только проснётся! — Расслышал я, как он втолковывал что-то каким-то женщинам. — Вы должны быть готовы накормить его бульоном! И бульон должен быть всегда тёплым!

— Пить! — Простонал я, еле слышно. Но они каким-то непостижимым образом меня услышали, все трое бросились к моей кровати.

— Ожил бродяга! — Смеялся Васька, Олеся поливала моё лицо своими слезами и содрогалась от рыданий у меня на груди.

— Дай скорее ему поесть! — Заявил мой земляк, оттаскивая девушку от моей тушки. — Олеся! Не мешай сиделке, дай покормить Игоря, ведь ему поправляться надо!

Женщина в белой форме, которую пошили для работников больницы, видимо, медсестра, села у моей кровати и с сомнением протянула мне ложку с бульоном.

Если честно, мне просто хотелось пить. Кушать мне не хотелось, но я понимал, что без еды не запустить процесс восстановления моего организма. Я послушно, но с большим трудом разлепил губы, тогда медсестра стала кормить меня с ложечки как младенца. В какой-то момент бульон показался мне божественным нектаром, лучше которого я в жизни ничего не пробовал. На каком

этапе я снова уснул — не помню!

Дальше процесс моего выздоровления пошёл быстрее. Вначале Васька запрещал давать мне что-либо кроме бульона. Затем постепенно стал разрешать другое питание. Когда в маленькую комнату, которую с трудом можно было назвать палатой, стали приходить гости, пахнувшие то углём и дымом, то хлебом и специями, то ещё чем-то, я уже мог немного слушать их и даже иногда кивал или мотал головой. Говорить я начал через неделю, когда достаточно для этого окреп.

Тем временем посетители приходили ко мне с разными новостями. От них и от Олеси я узнавал о том, что происходит в посёлке.

Во время осеннего боя в утреннем лесу почти полностью погибла полусотня, которой я командовал. Необученные военным действиям две бригады шахтёров, конюхи и возничие были практически уничтожены, прежде чем подросли другие ополченцы. Погиб также Семён — первый помощник Василия. Этот умный и позитивный человек оставил после себя только светлые воспоминания. Теперь место правой руки Василия занял Григорий — наш кузнец. Из моей полусотни в живых осталось лишь пятеро, включая меня. Остатки вражеских сил были уничтожены подошедшими с флангов соседними полусотнями во главе с нашими сержантами.

За время пока я находился в беспамятстве, крупный приток беженцев потряс наше поселение ещё один раз, когда прибыло новое пополнение численностью в пять сотен поселенцев. Это случилось на следующую неделю после моего последнего боя, тогда население Игвы перевалило за двенадцать сотен человек.

С тех пор в Междуречье сохранялось относительное спокойствие. Наступила зима и последние оставшиеся вражеские диверсанты, ещё до её прихода, покинули герцогство или не показывались никому на глаза. Воевода Мстислав восстанавливал заставы на Кристальной реке. Все вокруг готовились к холодам и война затихла. В Игве царила беспечность и надежда, что теперь настанет мир.

Герцог продолжал скупать наше оружие, Игва процветала, регулярно получая заказы и в Междуречье, и в Кварте. Захар, наш торговый представитель прекрасно справлялся со своей задачей. Сейчас у него было два помощника в его торговых делах, а также он, по введённой мной традиции, держал при себе двух учеников. Его жена Лидия, добрая и скромная женщина, вела успешную торговлю в нашей продуктовой лавке. Ростислав силами своих двух больших лодок помогал нашей торговле. Молодой лавочник Митрофан женился на молодой девице, что